

СЕМИОТИКА ВРЕМЕНИ В КНИЖНОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. (на примере «Дневальных записок приказа Тайных дел»)

На примере книжного документального текста второй половины XVII в. рассмотрена проблема эволюции категории времени в русской литературе Переходного периода. Выявлены и охарактеризованы отличительные признаки восприятия и изображения времени в документальном тексте. Определена перспектива изучения проблемы жанрообразования в русской литературе второй половины XVII в. Показан процесс зарождения личностного сознания в русской культуре XVII в., проявляющего себя в усилении интереса автора / составителя того или иного произведения к событиям частного характера.

Ключевые слова: русская литература XVII в.; литература и документ; проблема жанра; категория времени в древнерусской литературе.

«Дневальные записки приказа Тайных дел» («летопись правительственной и служебной деятельности» [1. С. 466], «своеобразная хроника частной жизни царя» [2. Ч. 1. С. 71]) – памятник документальной книжности второй половины XVII в., который на протяжении XX столетия оставался в отечественном литературоведении вне поля интересов исследователей. Как следствие – «Дневальные записки...» с момента их первой публикации [3] в дальнейшем ни разу не переиздавались и не входили ни в одну из известных хрестоматий по древнерусской литературе. Причиной сложившейся ситуации вокруг этого памятника является его особая жанровая природа, определившая характер содержания и исключая возможность активного включения в повествование каких-либо ярких, с точки зрения литературного творчества, сюжетных эпизодов.

Изданные С.А. Белокуровым «Записки приказа тайных дел» дают возможность ознакомиться с событиями из жизни двора царя Алексея Михайловича с 1657 г. (7165 г. от Сотворения мира, как указано в издании) по 1675 г. (7183 г.). Таким образом, в документальных записках представлена жизнь монарха в течение 18 лет. После смерти Алексея Михайловича его сын и наследник престола Фёдор Алексеевич в 1676 г. расформировал приказ Тайных дел, который был создан около 1653 г. по указу царя Алексея Михайловича и стал его личной канцелярией [4]. Какова была его функция? На этот вопрос впервые ответил в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин [5. С. 216–239].

Стоит согласиться с утверждением издателя памятника С.А. Белокурова, что ценность «Дневальных записок...» заключается в первую очередь в историческом плане, поскольку содержит подробное описание жизни двора царя Алексея Михайловича (церковные соборы, встречи послов, потехи, походы царя в подмосковные сёла, рождение детей в царской семье и многое другое). Основная задача подьячих заключалась только в фиксации событий, по этой причине стиль записок лишен каких-либо художественных изысков. Литературная природа их бедна, лишена стилистического многообразия (задача придания документу стилистического великолепия, по всей видимости, не стояла перед дьяками и подьячими приказа Тайных дел). Ценность памятника, как мы считаем, заключается в другом: он дает возможность увидеть динамику вос-

приятия и фиксации времени в книжной культуре Древней Руси. Проследить эволюцию отношения человека к времени от «Повести временных лет» (XII в.) до документальных записок протокольного характера приказа Тайных дел, которые являются промежуточным звеном на пути жанрообразования в литературе переходного периода – становления формы дневниковых записок.

Как известно, первым литературным жанром Древней Руси, в котором осмысливались происходящие исторические события в соотношении со временем, была летопись. Особенности летописного времени названы и подробно охарактеризованы академиком Д.С. Лихачёвым [6. С. 539–557]. «Летописец рассказывает только о динамике, а не о статике жизни. И эту динамику он понимает со средневековой ограниченностью» [Там же. С. 542]. События, изображаемые летописцем, призваны показать и доказать незыблемость мироустройства, его вечный, циклический вневременной характер, определяемый божественной волей. «Летописец смотрит на историческую жизнь с такой высоты, с которой становится уже несущественным различие между большим и малым, – все кажется уравненным и движущимся одинаково медленно и “эпично”». В летописи «...время подчинено вечности. Укрощенное вечностью, оно течет медленно», – отмечал Д.С. Лихачёв [Там же. С. 546]. Поэтому начало русской истории летописец видит в событиях библейской истории. Всемирный потоп и Вавилонское столпотворение – это те начальные точки¹, которые сакрализуют² и расширяют временные рамки русской истории до масштаба мировой. Летописец, фиксируя события, видит их не только в контексте русской истории, но и в масштабе всемирной, имеющей божественное предопределение. Апогеем же всемирной истории, согласно богословской историософской концепции, станет ожидаемый Страшный суд. «Средневековая литература стремится к вневременному, к преодолению времени в изображении высших проявлений бытия – богоустановленности вселенной...» [Там же. С. 557].

Известно, что одним из приемов, с помощью которого в «Повести временных лет» создается динамика времени, является погодный принцип повествования («по летам»), привносящий в летопись ощущение потока времени и соответствующий «принципу цельности изображения», основному приему «стиля монументального историзма» (Д.С. Лихачёв). Однако в погод-

ном оформлении текста первой русской летописи, как показывают последние научные исследования отечественных медиевистов [7; 8. С. 288–300; 9. С. 122–135; 10. С. 178–195], стоит видеть не столько формальный прием хронологического построения текста, отличающий его от византийских хроник, сколько прием, позволяющий летописцу подчеркнуть сакральный, религиозно-символический характер происходящих событий, их соотнесенность с библейскими текстами. В итоге время русской истории не только сакрализуется, но и обретает особый эсхатологический характер, что отражено, по мнению исследователей, в самом названии летописи – «Се повѣсти вре́мяньныхъ лѣтъ», т.е. мимотекущих, проходящих и приводящих мир к Страшному суду³.

Можно сказать, что благодаря летописям у русского человека было сформировано особое мироощущение и мировосприятие – эсхатологическое отношение к происходящему, неотвратимость предсказанного в текстах Священного Писания Судного дня. Именно эта особенность позволяет современным исследователям (С.Н. Данилевский, А.Н. Ужанков) в «Повести временных лет» видеть не только исторический источник, но и русский аналог боговдохновенным текстам, Книге Жизни. Таким образом, характеристика категории времени в литературе Древней Руси (XI–XII вв., домонгольский период), помимо тех особенностей, которые были определены представителями советской школы медиевистики во главе с академиком Д.С. Лихачёвым, дополняется новыми, – сакральность и эсхатологичность⁴.

В течение последующих столетий, как известно, менялись мировоззренческие представления книжников, а соответственно, изменялось и восприятие времени, его формы фиксации в книжных текстах. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что есть существенное отличие между летописями домонгольской Руси и летописями, созданными, например, в XVII столетии. «И хотя в XVII – первой половине XVIII в. продолжают вестись местные и частные записи, внешне напоминающие летописи, они уже не могут дать и не дают общей картины истории страны и имеют иную цель создания, которую еще предстоит выяснить» [7. С. 273]. Одним из таких книжных текстов, по внешней форме напоминающих летопись / хронограф, и являются «Дневальные записки приказа Тайных дел».

Как было отмечено ранее, «Дневальные записки...» – это, в первую очередь, документ, не обладающий особыми литературными изысками. Однако необходимо принять во внимание тот факт, что документ велся на протяжении почти двух десятилетий и, соответственно, в нем должны быть запечатлены не только события, происходившие в жизни русского двора середины – второй половины XVII в., но и особенности, имеющие непосредственное отношение к книжной культуре Переходного периода. Заметим, любой текст (как книжный, так и документальный), помимо своей нарративной функции, позволяет исследователю соприкоснуться с особой формой сознания автора, фиксируемой в произведении и свойственной определенной исторической эпохе.

В свое время И.П. Еремин [11. С. 54], выделив пять типов летописного повествования в «Повести времен-

ных лет» и среди них назвав документальный, не стал его рассматривать и уделять ему особое внимание, объяснив свою позицию тем, что данный тип повествования не обладает художественным началом и по этой причине для литературоведа не представляется интересным. Документ интересен в первую очередь для историка, черпающего из него факты. Однако, используя культурно-семиотический подход (Б. Успенский) в исследовании документального текста определенной исторической эпохи, каким и являются «Дневальные записки...», возможно реконструировать определенные представления о событии прошлого, зафиксированном в тексте определенной историко-культурной эпохи.

На примере «Дневальных записок приказа Тайных дел» становится возможным увидеть совершенно иную картину восприятия времени русским человеком во второй половине XVII в., отличную от предшествующей традиции в книжной культуре Древней Руси. В этом, как мы считаем, и заключается одна из главных особенностей «Дневальных записок...», которая не может не привлечь внимание историка литературы.

XVII столетие, как неоднократно уже отмечалось в огромном корпусе научных исследований, принесло с собой множество противоречивых по своей природе художественных явлений в культуре Руси. При рассмотрении и определении роли XVII в. можно сказать, что секуляризация культуры проявила себя в раскрепощении сознания автора (книжника), в усилении художественного начала в литературе и т.д. На фоне процессов, происходивших в литературе Переходного периода, нельзя не заметить изменения в восприятии и изображении времени в книжном тексте, в том числе в документальном. Можно сказать, что процесс десакрализации литературы в XVII в. не менее ярко представлен в документальных текстах и проявляет себя в расширении их литературных возможностей. «Изменились представления и о времени. Когда с секуляризацией сознания в середине XVII в. прошлое дистанцировалось от настоящего жесткими грамматическими формами прошедшего времени <...> появились представления о земном будущем...» [9. С. 205], и мы продолжили бы мысль – и о земном настоящем. В этом случае «Дневальные записки...» особо показательны, так как стремятся к фиксации событий не только «по летам», но и по дням и в отдельных случаях по часам суток. К примеру, «Генваря въ 31 день в субботу было вѣтрено, и за час до ночи пошел снѣг, и шол всю ночь» [3. С. 1].

Такое дробление времени на сегменты (год, месяц, день, час) присутствовало и ранее в древнерусской литературе. Напомним, в Древней Руси, например, существовало особое восприятие и понимание календарного времени. Определенный день недели имел особое символическое значение. Соответственно, и события в летописях привязаны к определенным дням недели. Например, частотность упоминания того или иного дня недели в «Повести временных лет» приведена в исследовании И.Н. Данилевского, им же объяснено и символическое значение дней недели с позиции христианской идеологии. И именно календарные даты (дни недели), наряду с годовыми, играли определяющую роль в понимании символического прочтения произошедшего события. Так, например, среди 7 дней недели, согласно результатам

проведенного исследования И.Н. Данилевского, пятница, суббота и воскресенье (неделя) наиболее частотны в летописном тексте в силу их сакральной маркированности в христианском календаре⁵. Такое пристальное внимание средневекового книжника к календарным и годовым датам объясняется религиозно-символическим мышлением, свойственным ему эсхатологическим мироощущением, стремлением вычислить дату Страшного суда.

При внешнем подобии летописной форме «Дневальных записки...» демонстрируют совершенно иное ощущение времени: на смену вселенскому, сакральному пришло земное, историческое, связанное с событием одного дня. Можно сказать, что перед нами уже демонстрируется «псевдолетописное время» «Дневальных записок...», в которых нет сакрального восприятия и понимания времени ни в линейной, ни в циклической плоскостях. Подтверждением является тот факт, что присутствующее в «Дневальных записках...» упоминание о церковных годовых праздниках не получает в описании составителя документа характерного для Средневековья ощущения неизменности и постоянства событий истории, которая является промыслом Божиим.

Различие восприятия времени в XII и XVII вв. возможно увидеть и через семантику названия обоих текстов, ориентированных на осмысление времени и его изображение. На сегодняшний день, как было отмечено выше, название первой русской летописи прочитывается шире за счет многозначности слова «временный», понимаемый в древнерусском языке⁶ как в значении «проходящий», так и «исчисляемый». Именно такое толкование названия первой русской летописи представлено в уже приводившихся работах И.Н. Данилевского, А.Н. Ужанкова [9. С. 135]. И надо сказать, что подобная точка зрения вполне доказуема, поскольку объясняет и дает возможность понять особенности мировоззрения летописца конца XI – начала XII в., ориентированного на эсхатологическое восприятие русской истории, неотделимой от мировой, вселенской.

Поэтика названия «Дневальных записок...» позволяет увидеть абсолютно иной масштаб времени – одного дня из жизни царя. В этом случае и жанровая форма должна была соответствовать масштабу изображаемого событию. Крупная монументальная форма летописи или хронографа здесь уже неприемлема (по всей видимости, этого не могли не осознавать дьяки приказа Тайных дел, где велись записки). Выбирается жанр документальной книжности, близко стоящий к форме дневника. Отметим, что вторая половина XVII столетия дает возможность увидеть и первые образцы дневниковых записей. Примером могут служить записки самого царя Алексея Михайловича [12. С. 706; 13], в которых содержатся распоряжения монарха на каждый день с точным указанием потраченных денег на различные расходы по хозяйству и пожертвования. Сохранившаяся тетрадь (своеобразный «ежедневник»), а также другие грамоты («чернения государевой руки») Алексея Михайловича находятся в одной плоскости с «Дневальными записками...». Для документальных памятников характерно общее стремление фиксировать бытовые события одного дня, что в свою очередь свидетельствует об общем восприятии времени, секуляризованном по своей природе.

Насколько изменилось восприятие времени в переходную эпоху, могут свидетельствовать и так называемые «метеорологические» заметки, постоянно встречаемые в «Дневальных записках...». С.А. Белокуров в предисловии к изданию памятника 1908 г. не придал особого значения этим фрагментам, обратив на них внимание только как на эпизодические детали. «Большой интерес представляют ежедневные отметки о погоде, хотя и сделанные в слишком общих выражениях» [3. С. IV]. Согласимся с мнением издателя по поводу абсолютно неяркой стилиевой природы подобных заметок, отсутствия в них каких-либо авторских индивидуальных приемов, которые могли бы в конечном итоге привести к появлению в памятнике ожидаемых пейзажных зарисовок, которые в литературе XVII в. были частыми. Приведем несколько типичных примеров описания погоды из «Дневальных записок...»: «Февраля въ 10 день во ѿторникъ былъ ден холоден, а в ночи было тепло, и шол снѣг во всю ночь мокрой, а посвечеру за полтора часа до вечера, 7165 г., февраля 3–16» [3. С. 3]; «Марта въ 2 день было ведрено во дни, а в ночи былъ мороз непомѣрно лют, 7165 г., февраля 17–8 марта» [Там же. С. 5]; «I в тот ден (28 апреля. – А.Ш.) с утра часу до пятого было ненасливо и накрапывал дождикъ, а с пятого часу было ведрено и тепло; а в ночи было тепло же. ...Маия въ 1 день... было тепло и ведрено и красно, а в ночи были росы холодныи. 7165 г. апрѣля 17–1 мая» [Там же. С. 13]; «И тот ден с утра был ветрен, а в кушанья (был) гром гремел и молния блистала и шол дождь велик, а после того и до вечера было ведрено и вѣтрено; а в ночи было тепло, 7165 г. мая 11–25» [Там же. С. 18]; «I в тот ден было красно, а в 9-м часу дни был громъ велми великъ, и блистала молния, и шол дождь великъ с полчаса, и потом шол не велик; а в ночи было тепло. 7165 г., июня 4–20» [Там же. С. 20–21]; «А за 2 часа до вечера была туча велика, и громъ, и молния, и дождь шол силен с час; а в ночи шол дождь до полуночи, 7165 г., июля 23–5 августа» [Там же. С. 27].

В приводимых примерах ценным может быть то, что подобные краткие зарисовки лишены традиционной для средневековой литературы библейской символики: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18 : 2). Также интересен тот факт, что в записках первых лет подобные «метеорологические описания» еще отличаются детализацией, в записках же более позднего времени сухой, деловой стиль документа полностью вытесняет оценочную лексику, характеризующую состояние природы в момент фиксации события. Документальная запись констатирует только факт без какого-либо авторского комментария. Однако для нас подобный «нулевой показатель» литературной природы текста также является не менее значимым, чем те стилиевые авторские приемы, активно использовавшиеся в литературном творчестве второй половины XVII в. Подобные безоценочные «погодные зарисовки» (в своей совокупности) также демонстрируют особую форму авторского сознания XVII в., лишенного религиозно-символического, сакрального восприятия происходящего в мире. И в этом случае «Дневальные записки...» органично вписываются в процессы, происходившие в русской литературе

Переходного периода: бытописание, детализация повествования и десаκραлизация изображаемого.

Среди ежедневных записей, передающих в лаконичной форме сведения о деятельности царя Алексея Михайловича, редко, но встречаются примеры, представляющие подробные описания событий с включением речей (прямой или косвенной) самих участников этих событий. Так запись от 11 декабря 1660 г. (7168 г.) в документальной форме рассказывает об участии царя в церковных службах. Здесь же, как и положено, сообщается, кто совершал службу (митрополит Сарский и Подонский Питирим). Однако запись о событиях, имеющих отношение к настоящему времени, изменяется, и повествование обращается к событиям, произошедшим годом ранее (4 декабря 1659 г.), – осада крепости Быхов в период русско-польской войны 1654–1667 гг. Событие, записанное в документе, передано со слов одного из дьяков («думной дьяк Семён Заборовской говорил рѣчь»⁷).

«Великому государю изменил же, і в Быхов вошел обманом, и Быхов засѣл, і великого государя ратным і всяких чинов людем многую пакость чинил, и с королем полским беспрестанную ссылку держал и писался его королевским подданным, і великого государя в города в Смоленскѣ і в ыные... многие сорные и прелестные листы подсылал; такъ же и многую шляхту царского величества подданных иных ласканием, а иных принуждением ис-под государевы высокие руки ис подданства отвел» [3. С. 44].

Далее подробно, в деталях передаются обстоятельства осады Быхова русскими войсками, переговоров с Иваном Выговским о мирной сдаче крепости и взятии её штурмом войсками князя Ивана Лобанова-Ростовского 4 декабря 1659 г. Насколько важно было это событие, произошедшее годом раньше, говорит одна деталь. Неизвестный дьяк (или подьячий) Тайного приказа, записывавший это событие, постоянно вносил правки в текст, вычеркивая одни фразы и вписывая другие. Увидеть эту редакторскую работу, проделанную неизвестным составителем документа, возможно, обратившись к изданию «Дневальных записок...» С.А. Белокурова 1908 г., которое сохраняет и передает детали редакторской правки, присутствующие в рукописи памятника.

Закончив рассказ о событиях прошлого времени, составитель вводит в повествование речь митрополита Питирима, обращенную к царю Алексею Михайловичу и прославляющую его. Торжественное слово митрополита Питирима вновь возвращает повествование в настоящее время. Сама же речь митрополита в большей степени соответствует этикетным требованиям церковного ораторского искусства. Это и характерная торжественная лексика, особая интонация, выражающая сильные эмоции оратора, художественная образность, прикреплённость речи к конкретному случаю – взятие Быхова, которое рассматривается оратором в аспекте историческом – воссоединение государства, восстановление порядка, установленного Богом.

«...дѣло пре(ве)лие о Малей Росіи сотворшеса, всѣ надежды слышахом, всещедраго і всемогущаго Бога молебне благодарихом; ныне же достовѣрно вѣруем, яко повсюду вся Малая Росія под святую вашего цар-

ского величества скипетродержавную десницу подклонися, вѣчно и незыблемо бытии на веки обещася, безчисленное множество христианских душ... благосчастием и премудрѣйшим промыслом от темных прелести свободишася и к свѣту истинному приидоша» [Там же. С. 45].

Как продолжение описания приводимого выше события (взятие Быхова и пленение гетмана Выговского) является запись от 23 февраля 1660 г., где также представлено развернутое описание действий князя Алексея Никитича Трубецкого как полководца, принимавшего участие в военной кампании 1659 г. и отличившегося своими боевыми заслугами перед царем.

«И ты, бояринъ нашъ і воевода, с товарищи против хана Крымского і измѣнника Івашка Выговского и против Польскихъ войскъ і иных розных земель стояли мужественно, и билися и шли к рекѣ Семи оборонною рукою, и многих Татар, и Черкас, и Поляков, и Сербов, і Волохов и Мутьян побили і в полон поймали. ...И будучи у реки Семи, ты, боярин нашъ, с товарищи, собрався с нашими великого государя ратными людами, пошел в Черкасские города на измѣнника Івашка Выговского, и на Польские и иных розных земель войска. И видя хан Крымской, и измѣнникъ Івашко Выговской, и Польские и иных розных земель войска, что ты, бояринъ наш, идеш на них с товарищи своими и с нашими великого государя ратными людами мужественно, побежали, а ты боярин нашъ, с товарищи своими и с нашими великого государя ратными людами пришел в город Переяславль» [Там же. С. 58–59].

Таким образом, в памятнике, документальном по своей природе, имеются сюжетные фрагменты текста, для которых свойственна совершенно иная временная парадигма (события настоящего времени прерываются описанием событий прошлого и затем вновь идет возвращение в настоящее) и иная стилистика, обладающая авторской оценочностью. Эти особенности существенно оживляют протокол о ежедневных событиях царского двора, однако не приводят к беллетризации всего текста.

В итоге «Дневальные записки приказа Тайных дел» можно назвать уникальным произведением русской книжной культуры второй половины XVII в. Документальный памятник органично вписывается в общую литературную ситуацию своей эпохи. Причем подобный пример для второй половины XVII в. не будет единичным⁸. При отсутствии в книжном документальном памятнике каких-либо ярких сюжетных эпизодов, которые могли бы позволить говорить о произведении как о литературном явлении, он дает возможность в первую очередь почувствовать совершенно иное восприятие времени, определяющее жизнь отдельно взятого человека. «Дневальные записки...» – своего рода мозаичное полотно, составленное из отдельных фрагментов, в совокупности воспроизводящих жизнь человека в повседневности. В описании этих событий нет художественного начала, но внимание к ним со стороны составителей позволяет говорить о меняющемся отношении автора не только к событиям исторического плана, но и к частной жизни человека. Документальный текст, каким являются «Дневальные записки...» иллюстрирует процесс секуляризации сознания автора

второй половины XVII в. И в этом случае «Дневальные записки приказа Тайных дел» становятся органичными для литературного процесса Переходного периода русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Своеобразная аналогия с событиями Сотворения мира в книге Бытия, а принятие Русью христианства в 988 г. соотносимо с другой точкой мировой истории – Рождеством Христовым.

² «Существенно, что Повесть временных лет задает двойной отсчет времени: сначала от разделения земли между сыновьями Ноя, от смешения языков и разделения народов, затем, в резюмирующей части, – от сотворения человека» (Виролайнен М.Н. Повесть временных лет: реконструкция летописного исторического сюжета через систему канонических представлений // Виролайнен М. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб. : Амфора, 2007. С. 64).

³ «Как мы помним, на Страшном суде человеку предстояло держать отчет по каждому из совершенных им грехов – с точным указанием не только годовой или календарной, но даже часовой даты. Поэтому внесение датирующих данных в исторический отчет летописца выглядит вполне оправданным. <...> Автор произведения, писавший не только *до*, но и *для* Страшного суда, вполне мог взять на себя функцию духовного руководителя прообразов своих персонажей» [7. С. 265].

«Стало быть, русские летописи XII–XV вв. – это своеобразные «Книги Бытия» и «княжений», сопоставимые с библейскими историческими книгами «Бытие», «Исход», «Царствований» и т.д., но повествующих уже о событиях, более близких к концу Света, расположенных уже по эту сторону границы спасения – Рождества Христова. Это книги иного временного уровня, но единого временного потока» [9. С. 135].

⁴ Категорическое несогласие с выводами И.Н. Данилевского по проблеме изображения времени, имеющего эсхатологическую природу, в «Повести временных лет» высказал А.А. Шайкин, назвав их сомнительными (Шайкин А.А. Историческая концепция и композиция «Повести временных лет» // Шайкин А.А. Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI–XVI веков : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2005. С. 144–146).

⁵ И.Н. Данилевский делает выводы, отсылая к особым сочинениям, распространенным в Древней Руси и дававшим толкование символического наполнения недельного календаря (апокрифы и другие неканонические книги).

⁶ О лексическом значении слов «временный» и «лѣто» в древнерусском языке см. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (М. : Рус. яз., 1988. Т. 1. С. 492); Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (М. : Рус. яз., 1988). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (М. : Рус. яз., 1991. Т. 4. С. 461). В истории изучения «Повести временных лет» (XIX–XX вв.) неоднократно высказывались суждения исследователей по поводу интерпретации названия первой русской летописи, его символического значения. Одним из первых, кто предложил свое толкование названия летописи, был историк Русской Церкви Е.Е. Голубинский. Его трактовка слова «временных», присутствующего в названии летописи и понимаемого как хронологический порядок событий, имеет сторонников и в современной науке (см.: Гиппиус А.А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. I. (Древняя Русь). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 448–460; Шайкин А.А. Функции времени в «Повести временных лет» // Шайкин А.А. Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI–XVI веков : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2005. С. 134–135).

⁷ Имеется в виду рассказ об измене русскому царю гетмана Ивана Выговского и бегстве его в Быхов, где он занял оборонительное положение, ожидая помощи польского короля Яна Казимира и гетмана Сапеги.

⁸ Не менее интересными для исследования в этой плоскости являются сочинения подьячего посольского приказа Григория Котошихина, автора сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича», также являющееся документальными записками, в которых детально изображена жизнь двора русского монарха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забелин И.Е.* Разрядные книги // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1. М., 1872.
2. *Зиборов В.К., Лобачев С.В.* Алексей Михайлович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). СПб., 1992.
3. *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа тайных дел. М., 1908.
4. *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
5. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича, а также Чин свадебный // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб. : Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 216–239.
6. *Лихачёв Д.С.* Поэтика древнерусской литературы // Избранные работы : в 3 т. Л., 1987. Т. 1.
7. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источникововедения летописных текстов. М., 2004.
8. *Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2008.
9. *Ужанков А.Н.* О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века. Стадии и формации. М. : Языки славянской культуры, 2009.
10. *Ужанков А.Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2011.
11. *Ерёмин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
12. *Записки* отделения русской и славянской археологии. СПб., 1861. Т. 2.
13. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 27. № 527.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2013 г.